

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 738.745

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Central B
Argentina

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XVI

Buenos Aires, martes, 26 de noviembre de 1963

Буэнос Айрес, вторник 26 ноября 1963 года № 722

Александра Г.

НА ВТОРОМ ВАТИКАНСКОМ СОБОРЕ

3. Продолжение работ Собора. Аудитория наблюдателей у Папы, приемы, встречи и впечатления.

Работы Собора идут интенсивно, усиливая интерес серьезных богословов при слабом внимании малоразбирающихся, склонных к сенсациям и новинкам обывателей.

Ежедневно, кроме суббот и воскресений, после литургии, с 10 утра до четверти первого идут прения на латинском языке по различным главам; некоторые, как “О Литургическом Годе”, “О Священной Музыке при богослужении” проходят почти без прений, по другим разворачивается оживленное, даже страстное обсуждение поставленных проблем, занимающее по пяти-шести заседаний подряд.

Большие прения вызвал вопрос о женатом дьяконате, еще более о взаимоотношениях между собором епископов и Святым Престолом. Многие епископы возражали против дьяконата вообще, другие требовали безбрачного дьяконата, окончившего особые семинарии; но большинство высказалось за женатый дьяконат, который будет организован в тех епархиях, где правящий епископ найдет это нужным и полезным.

Большие прения вызвал вопрос об епископах; многие указывали, что апостол Петр имеет преемником Папу, а всякий епископ после хиротонии является преемником апостолов. Споры вызвал вопрос о том, поручил ли Господь Церковь Петру или Петру с апостолами. Большинство получило при голосовании формулу, что Верховная власть принадлежит Папе с епископами, составляющими одно Тело Христово.

В моей статье, рассчитанной на обычных читателей “Нашей Страны”, не бу-

ду вдаваться в богословские тонкости. Хочется только отметить впечатление, производимое прениями на некатоллических, безмолвных на Соборе, наблюдателей. Все они с полным беспристрастием одобряют серьезное и вполне свободное обсуждение всех вопросов, добросовестное стремление найти лучшее выражение католической богословии, положения которой православные, протестанты всех видов и оттенков и монофизиты естественно не могут разделять. Но православным очень близки высказывания Восточного Патриарха Максимова и его епископов, которые настаивают на возвращении к общей для Запада и Востока старине: они возражают против встречающегося на Западе стремления рассматривать католические Восточные обряды, как неравноценные с латинским, против засилья латинян в Римской Курии. Патр. Макарий предложил создание Священ. Коллегии при Папе и под его председательством в составе всех кардиналов-епископов и кардиналов-священников, всех восточных католических патриархов, епископов, выбранных от епископата каждого континента, и по очереди вызываемых епископов.

Православным наблюдателям вспомнилось при этом недавнее решение Архиерейского Синода иметь в своем составе наряду с постоянными членами вызываемых по очереди из разных епархий епископов, несостоящих постоянными членами.

Интересно отметить, что Патриарх Максимос пронесит свои речи по-французски, после чего их переводят по-латыни. Он со своими епископами очень дружелюбно относится к наблюдателям Архиерейского Синода и живо интересуется судьбой находящейся на

22-го ноября с. г., в 15 час. (по арг. времени) в г. Даллас (Тексас)

УБИТ ПРЕЗИДЕНТ США ДЖОН Ф. КЕННЕДИ

Это убийство повергло весь мир в траур, смятение и... в недоумение. Кто, какое правительство какой страны могло быть заинтересовано в том, чтобы убрать с лица земли человека, ставшего в последние годы ЛИДЕРОМ СВОБОДНОГО МИРА, вверившему ему руководство всей его политикой, настойчиво проводившего идею сосуществования с коммунизмом и видевшего в этом единственное — по его мнению — средство сохранить мир на земле и землю от катастрофы разрушения?

Кроме этой основной линии, его политика включала в себя еще две проблемы: расизм в Соединенных Штатах — примирение черных с белыми — и положение в Латинской Америке.

Могли ли эти проблемы явиться причиной его убийства?

До новых выборов его заменит ЛИНДОН ДЖОНСОН — считающийся загадочной личностью в политическом отношении, но всегда поддерживавший Кеннеди во всех его начинаниях. От того, какую политику он будет проводить, как Президент — зависит многое.

Кто убил? Человек, выполнявший чье-то задание? но ЧЬЕ? Или фанатик, действовавший по личным убеждениям? Это наши читатели узнают — или никогда не узнают — из повседневной прессы.

Сегодня перед нами голый факт — УБИТ КЕННЕДИ. Через 38 минут после его смерти присягу новый президент — ДЖОНСОН.

Не будем гадать на кофейной гуще и заниматься пророчествами, не имея на то никаких данных.

ДЖОН ФИЦГЕРАЛЬД КЕННЕДИ УБИТ. Мир праху его.

ВС. ДУБРОВСКИЙ

родине под спудом и в рассеянии по миру Православной Церкви.

Очень дружелюбно беседуют с наблюдателями Синода многие епископы всех континентов, в частности Африки, Азии и Латинской Америки. С ними не только наблюдатели, но и я имела возможность беседовать на многочисленных приемах.

Аудитория у Папы имела место 17-го октября. Папа были представлены подходившие один за другим наблюдатели, при чем Папа вспомнил, как принимал в Милане отца Игоря Троянова и беседовал с ним, когда был еще кардиналом. Затем Папа обратился с краткой речью, которую закончил предложением, чтобы все громко с ним произнесли каждый на своем языке “Отче наш”; потом снялся среди наблюдателей, как видят читатели на снимке. Потом, обошел всех делегатов Церкви и гостей, причем снова задержался на несколько минут в беседе с о. Игорем, что обратило на себя внимание всех остальных наблюдателей, включая московских.

На другой день 18-го октября состоялся прием наблюдателей у кардинала Беа, который приветствовал наблюдателей, как старых друзей.

По решению составляющих большинство среди наблюдателей членов делегации, входящих в состав Мирового Совета Церквей, от имени наблюдателей выступал по-русски прот. Виталий Мих. Боровой, речь которого переводил о. Александр Кулик. Невходящие в состав Мирового Совета Церквей делегации, в том числе наблюдатели от Архиерейского Синода, не принимали участия в этом решении. После этого о. Боровой с другими наблюдателями, о. Куликом и Афиногеновым беседовали с еписко-

пом Восточного Обряда Андреем (Катковым) и протестантами; наблюдатели Архиерейского Синода провели вечер в дружеской беседе с другими католическими епископами и наблюдателями.

24-го октября состоялся прием у видного светского представителя папского двора князя Колонна, предки которого в Средние века одно время владели Римом и возводили по своему усмотрению Пап на Ватиканский Престол. Я была одной из немногих журналисток на этом приеме с представителями крупнейших газет и агентств Старого и Нового Света. Молодые князь с кривой встречали гостей в первой зале своего дворца, по роскоши напоминающего соседний с ним королевский (ныне президентский) дворец Квиринал, с которым он связан всячим над улицей садом. На этом приеме мне удалось побеседовать с митрополитом Слипым, который очень скромно и осторожно вспоминает свою недавно законченные 18 лет заключения.

На другой день после этого приема о. Игорь Троянов должен был вернуться в свой Лозаннский приход и с того дня проф. С. В. Грозов один представляет Архиерейский Синод на заседаниях Ватикана и приемах.

На приеме, устроенном “Чирколо Романо” (объединение папской аристократии) проф. С. В. Грозов имел случай встретиться с некоторыми близкими Папе лицами, которые проявили большой интерес к Архиерейскому Синоду. Здесь же встретился впервые с делегатами Московской Патриархии монсеньор Мейштович, лиценст, кончивший в 1914 году, сын члена Гос. Совета от польских землевладельцев, который не смог от сына православного белорусского крестьяни-

Прием Папой Павлом VI делегатов-наблюдателей некатоллических Церквей 17-го октября 1963 года

Пятый слева — проф. С. В. Грозов, рядом — о. Игорь Троянов, за ним — гость Секретариата по объединению христиан, прот. Амер. Православной Церкви о. Александр Шмеман. Справа от Папы — кардинал Беа. Слева от Папы третий — советский армянский епископ Паркев Кеворкьян, правее — светский армянский наблюдатель Бекзадян и, в камилавке, первый делегат от Московской и Грузинской Патриархий — прот. М. В. Боровой. Рядом — ген. секретарь Секретариата монсеньор Виллебрантс

✠ Издательство и Общество “Обозрение Света и Тьмы” сообщает, что в ночь с 14-го на 15-е ноября, после непродолжительной и тяжелой болезни, волею Божией скончался в Лос Анжелос наш друг, соратник и национальный герой ослепший

ГЕНЕРАЛ - МАЙОР

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ СКОРОДУМОВ

Основатель Русского Корпуса и Строитель “Храма - Памятника Русской Славы” в Белграде.

Да упокоит Господь Бог его душу в Селении Праведных!

Вл. М. Иогансен

на о. Ильича, получить интересовавших его сведений о нынешней судьбе зданий Пажеского Корпуса с Мальтийской католической капеллой и Александровского Лицея.

Для наблюдателей были организованы секретариатом кардинала Беа два интересных паломничества: в Ассизи и в Монте-Кассино; при второй поездке на обратном пути был организован банкет в честь наблюдателей в древнем монастыре Казамари. Таким образом наблюдатели побывали в важнейших монастырях св. Венидикта и Франциска, создателей 2-х из важнейших католических орденов. Для православных наблюдателей интересно было отметить черты сходства между западным монашеством св. Венидикта (за много веков до разделения Церквей) и восточным монашеством. При отсутствии владыки Антония, отца Игоря и вызванного для доклада в Москву прот. Борового Православие было представлено: от Архиерейского Синода проф. Гротовым, а от Московской Патриархии — о. Ильичем и Афиногеновым; в качестве гостя, никого не представляющего, участвовал в этих паломничествах епископ Кассиан. Отмечу, что о. Шмеман прибыл с опозданием на Собор и скоро уехал в Нью-Йорк, побывав на немногих его заседаниях.

Везде наряду с представителями подневольных русской и армянской Церквей, подчиненных богоборческой власти, католики и представители некаатолических Церквей, съехавшиеся на Собор, видели (а многие и слышали в личном общении) наблюдателей от Архиерейского Синода и наблюдателя от свободной Армянской Церкви в Киликии и всем свободном мире архимандрита Ардавазда Тертеряна. Их одинаковое отношение к зависящим от хрущевской диктатуры Церквам срывает расчеты советской дипломатии и всех ее пособников.

На этой сессии приходится слышать слова протеста против гонений на Церковь, о чем потом сообщают и нам, журналистам. Китайский архиепископ Станислав Локуанг говорил о гонениях в Китае и особых условиях потаенного существования Церкви, которое обычно церковной организации в свободном мире. При отсутствии отца его заменяет один из старших в семье; при отсутствии возможности сношений с Римом местный, даже скрывающийся, епископ возглавляет гонимое свое стадо самостоятельно. О гонениях на Церковь в Польше мужественно свидетельствовали кардинал Вышинский (недаром столько верующих сошло на литургию, которую он совершал в соборе Св. Петра!), лодзинский епископ Клепач, предложивший внести особую главу о «Церкви гонимой», познанский епископ Баральяк и чешский епископ Томашек.

Они чувствовали поддержку Папы Павла VI, который благословил в конце октября совещание всех съехавшихся на Собор итальянских епископов, вынесшее постановление об осуждении Церковью безбожного марксизма-коммунизма и обратившееся с воззванием к своей итальянской пастве.

Это воззвание подчеркивает нарастающую опасность коммунизма, являющегося в наши дни главной угрозой христианскому миру опасностью. Коммунизм по природе своей атеистический и богоборческий, не может быть воспринят ни под какой обманчивой формой. Везде он при появлении у власти воздвиг гонение на Церковь и на духовную свободу. Коммунизм обещает чудо, обманчивое и прельщающее — долг каждого пастыря, каждого верующего продостеречь своих ближних от его обмана и лжи. Епископы обращаются к интеллигентам, которые так легко поддаются этому обману. Они призывают женщин с их природным мудрым инстинктом стать на охрану семьи и морали. Коммунизм играет на греховных стремлениях человеческой природы и проявляет нетерпимость новой языческой доктрины. Епископы напоминают, что марксизм-коммунизм был осужден в прошлом (Папами Пием XI и Пием XII) и это осуждение не было впоследствии никогда отменено.

Поэтому епископы обращаются к духовенству, к монашествующим и мирянам и, в частности, к организации «Католического Действия» («Ационе Католика») с призывом совместно действовать активно против этой опасности, угрожающей религиозной и культурной

свободе народа в эти знаменательные дни работы Ватиканского Собора, посылая всей возлюбленной пастве свое общее архипастырское благословение.

Инициаторами этого обращения были кардиналы Руфини (Палермо), Сири (Генуя) и Леркано (Болонья), известные своей непримиримой позицией в отношении безбожного марксизма во всех его обликах и оттенках. Если это направление не встречает всеобщего одобрения в тех кругах, которые стремятся к сближению с марксизмом, то во всяком случае важно, что итальянский епископат с одобрения нового Папы осудил марксизм и разоблачил еще раз его иногда забываемый антирелигиозный характер и стремление к угнетению человеческой свободы.

10-го ноября Папа вступил во владение своим кафедральным собором св. Иоанна Латеранского, который является собором Римской епархии. В торжественной обстановке, в присутствии правительственных и городских властей, дипломатического корпуса и всех епископов и наблюдателей Папе были вручены ключи собора. Папа произнес проповедь, в которой говорил, что в качестве римского епископа является римским и вселенским первосвященником, которому особо близки и дороги римляне. Он призывал итальянский народ сплотиться вокруг Святого Престола. На обратном пути Папа остановился у Колонны и там впервые после 1860 года молился перед Крестом, поминая и древних, здесь пострадавших мучеников за веру и всех новых совр. мучеников, в большинстве своем нам еще неизвестных.

Все это не могло остаться без влияния на положение советских обеих делегаций. Наблюдатели Московской Патриархии съездили отдельно от прочих наблюдателей в Барн, о чем потом говорили другим наблюдателям. Армянские наблюдатели из Эчмиадзина со своей стороны съездили в Венецию в монастырь Св. Лазаря, центр армяно-католиков.

Но интерес к обеим делегациям очень слабый; если армянская остается почти незамеченной, то и советская вызывает меньше интереса, чем в прошлом году, когда ее рекламировали радио, телевизия, печать и многие левонастроенные католические круги.

Теперь армянский епископ из Москвы не скрывает в разговорах враждебного отношения к Собору: «Никак не могут сами столкнуться, во что им верить; а у нас, армян, и надобности нет созывать Собор, чтоб что-то менять», говорит епископ Паркес при беседах с другими наблюдателями. Второй армянский наблюдатель вообще держит себя, как политкомиссар при своем епископе.

Наблюдатели Московской Патриархии очень скептически расценивают возможные результаты Собора. Они с недоверием смотрят на попытки некоторых кругов завоевать уважением за ними симпатии и не раз говорили другим наблюдателям, что считают невозможным успех сближения между Патриархией и Ватиканом на основании своих впечатлений о второй сессии Собора.

На первой сессии вся делегация постоянно пребывала в Риме и посещала заседания Собора, если кто из них отлучался, то только в близкую Женеvu, где шла в то время организация советской епархии и представительства при Мировом Совете Церквей. Теперь же в разгар работ Собора старший из делегатов Патриархии, представляющий также Грузинского Патриарха, о. Вит. Мих. Боровой выехал внезапно для доклада в Москву и отсутствует уже больше недели.

Для нас, журналистов, помню ежедневных пресс-конференций, начинающихся через полчаса после конца заседания Собора, много сведений дают встречи с отдельными католическими епископами и некаатолическими наблюдателями, которые очень корректно поддерживаются от нашего осведомления, но делаются впечатлениями от последних заседаний. Между нами установились вполне дружественные отношения. Мне доводилось беседовать с наблюдателями армянской свободной, коптской, абиссинской (эфиопской) Церквей и встречаться с протестантскими наблюдателями, из которых со многими знаком еще с первой сессии Собора.

Это позволяет мне добросовестно держать читателей «Нашей Страны» в курсе хода Собора, избегая тех маловероятных сенсаций, на которые падки многие мои коллеги, на что жаловался кар-

ПИСЬМА ВЕРУЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ МОСКОВСКОМУ РАДИО

28-го сентября, 5-го и 12-го октября, в разделе «Передача для детей» Московское радио передавало беседы под общим названием «Что принес нам почтальон». Как видно из передачи от 12-го, все указанные выше беседы касались писем молодых людей Московскому радио, в которых последние защищали свое право верить в Бога. Надо полагать, что эту серию бесед вызвало письмо «Тани из Фрунзе».

«Девочка-семиклассница прислала в редакцию письмо, в котором она сообщает, что верит в Бога, и возмущается, что есть люди, которые смеются над ней.

— Что плохого в том, — спрашивает Тania, — что я верю в Бога?»

Письмо Тани нашло среди слушателей широкий отклик. «В редакцию продолжают поступать письма». Ответу на одно из таких писем «из города Шатура», подписанному «Олег Оболенский, 18 лет, верующий», посвящена беседа «Что принес почтальон» от 12-го октября. Беседу вели В. В. Орлов и Е. Маят, Олег Оболенский пишет:

«Я окончил среднюю школу, но, изучив весь круг школьных дисциплин, я не мог освободиться, выражаясь по-вашему, «от религиозных предрассудков», и, как это не удивительно для вас, продолжал верить в Бога. Конечно, вы, как всегда в таких случаях, будете оспаривать мои религиозные взгляды. Готовый к этому, я хочу вас предупредить, что вместе с верой в Бога у меня есть еще вера в новейшие открытия и достижения мировой науки и техники. ... Если вы будете удивлены тем, что я верю в науку и технику, то я спрошу вас: «Разве наука не доказала, что мир — это бесконечная вселенная?» А ведь всем известно, что космонавты, да и ракеты, не проникали никуда дальше солнечной системы. Даже, когда они будут проникать в другие системы, все равно будет пройдено небольшое расстояние вселенной. Вселенную никогда не объять. Вы скажете, Терешкова пролетела 7 небес, а никакого Бога не обнаружил...»

... Вы знаете, что существует много религий. А в некоторых имеются к тому же и разветвления. Но все это не имеет значения. Важно то, что люди верят в Бога, причем верят по-разному, поэтому представление о Боге у неграмотных и грамотных разное.

... Все это я написал, чтобы показать вам, что Бог не есть какая-либо кукла, которая сидит на седьмом небе и управляет делами земными. Нет, это не так. Я хочу вам сказать, что Бог — это то, что воплощено не только в людях, но и во всем, что их окружает. Вы утверждаете, что вселенная, которая необъятна, это — безграничная движущаяся материя, которую нельзя уничтожить или создать? Допустим, так. Тогда вот вам один вопрос: откуда появилась такая материя? Если у нее не было начала, значит в ее появлении играла роль какая-то потусторонняя сила.

... Я не буду говорить о происхождении человека. Допустим, что человек произошел по теории Дарвина, Земля была образована по теории космогонии, что материя и ее движение — неуничтожаемы. Но все-таки вопроса о происхождении мира в целом вы не можете осветить... человек произошел от праха земного, прах земной получился от плоти Божьей... Воюя с религиозностью граждан, вы всегда берете в помощь христианскую Библию, находя там множество небылиц и противоречий. Ну, что же, в Библии есть противоречия. Но ведь надо и учитывать то, что книги Библии были написаны, вы это сами знаете, в разное время и разными лицами, да и при этом еще с чьих-то слов. Ведь события всегда истолковываются по-разному... не надо смеяться над верующими».

(Еженедельный обзор Американского Комитета Освобождения. № 3. 1-го ноября 1963 г.)

длина Спельман на одном из последних заседаний Собора: он пробыл две недели в Соед. Штатах и там убедился в том, что большинство американских журналистов в погоне за сенсацией сообщают непроверенные сплетни. Между тем важно в «Нашей Стране» дать верное освещение тем более, что ни один орган русской эмиграции не представлен среди сотен присланных на Собор со всего света журналистов.

Александра Г.

М. М. Спасовский

Перед эпохой тьмы

Как бы ни подходить к архимандриту Константину, одному из ярких публицистов наших дней, как бы ни относиться к его умозаключениям по тому или иному вопросу, никак нельзя обойти ни его глубинного подхода к текущей жизни, ни широты и смелости этого подхода.

Его недавняя, совсем небольшая статья «Так ли далеко конец мира?», помещенная в редактируемой им «Православной Руси» в № 15 за текущий год, невольно останавливает на себе внимание именно этой яркостью и смелостью суждения.

О конце мира о. Константин пишет часто. У некоторых эта его тема даже стала вызывать улыбку: «Опять о конце света!» Ирония этой улыбки поспешна и неуместна, плоска и беспомощна. Улыбаясь, если бы подумал глубже, то не улыбнулся бы в ответ на мысль о наступающем конце мира.

Но горе наше в том, что мы не любим думать. Захлестнутые делами и удовольствиями, мы предпочитаем плыть по течению. Так легче жить, да, пожалуй, и спокойнее.

Но как можно жить спокойно, когда вокруг меркнет свет и на каждого наваливается тьма?!

Вот что пишет о. Константин:

«Свободный мир капитулирует перед коммунизмом!.. Атомное оружие работает на коммунистов... Атомное оружие фактом своего существования парализует всякие действия по свержению коммунизма... Ничто так не оберегает коммунизм, как угроза возникновения атомной войны. Интеллигентская головка, составляющая ядро политики Кеннеди, возвела это в теорию: коммунизм сам себя изживет, только не трогайте его!.. Намеренно угашается всякая антикоммунистическая деятельность, имеющая целью свержение коммунизма...»

И о. Константин «это постыдное зрелище» называет «танцем смерти свободного мира».

Нарисована тяжелая картина. И ужас ее заключается в том, что в ней нет даже следа пессимизма, — идет летописно спокойное перечисление фактов, изложение реального, без намека на сгущение. Ужасна действительность наших дней, а не повесть об этой действительности.

И всякая ирония здесь просто неприлична.

Что свободный мир капитулирует перед коммунизмом, это очевидно даже профессиональному идиоту.

Что страх перед атомной войной оберегает коммунистов, в этом мы все убеждаемся по ежедневным газетам.

Что администрация м-ра Кеннеди широко, настойчиво и твердо внушает всем, всем, всем не трогать коммунизм, чтоб избежать атомной войны, это очевидно и бесспорно.

Что намеренно угашается всякая борьба с коммунизмом, это каждый свободно и здравомыслящий чувствует на своей шее.

И что вся эта постыдная картина представляет собою танец смерти свободного мира, кто посмеет это отрицать?!

Кто посмеет отрицать, что эпоха света доживает свои последние дни, что эпоха мрака широко развертывает фронт своего наступления, что эта эпоха мрака уже охватывает нас холодом своей духовной смерти, что мракобесы уже торжествуют по всей линии своей «творческой» работы — либеральной и демократической, социалистической и коммунистической?

Никогда еще разрушительные силы не выступали с такой наглостью и так самоуверенно, никогда еще эти силы мрака не проявляли себя так открыто в своих посягательствах захватить власть над всем миром, никогда еще они не располагали такими техническими возможностями, на арене которых возмужало сосуществование строится новый мир, духовно родственный коммунизму, — мир, постройка которого созидается на полной политической конспирации, иначе говоря, на лжи, обмане и насилии.

Так идет разложение и распад тысячелетней культуры, опустошение жизни от всякой святости и прежде всего от свободной, живой христианской совести с ее чистым пламенем и с ее кротким светом.

Так, в хаосе пыли и в вихре злобы, в бездне ненасытного властолюбия и социалистического деспотизма, в мраке ритуальных радений и разнузданной пошлости, в дьявольской пляске духовного затмения и животной алчности гибнет наш мир, мир духовной преданности и жертвенности, мир подлинной религиозности и духовной любви к действительно прекрасному и драгоценному. Так закатываются наш свет, свет совести, веры и любви.

Прав о. Константин, до конца мира недалеко. Мы живем догорающими остатками этого мира, давшего человечеству свет разума и взрастившего в человечестве любовь к мудрости и к священному.

Ни свет разума, ни любовь к мудрости и к священному не подходят к нашим дням, теряющим различие между лучшим и худшим. Человек духа решительно отесняется человеком-животным, ибо корень сегодняшней жизни не в разрешении духовных заданий, а в утверждении господства черни, руководимой демагогами...

Так свободный мир отхватывает талец своей смерти. Но, может быть, не смерти, а летаргии, той летаргии, которая, по выражению о. Константина, «ударит спасительно по самым глубинам нашего сознания?» Ведь все дело именно в нашем русском сознании, в **действенном** сознании, ибо враг наш силен не тем, что он было, а охлаждением нашего сердца и замутнением нашего ума.

Да, мы стоим перед эпохой тьмы. И спасение наше лишь в одном — в осознании всего ужаса этой эпохи и всей мерзости господ мракобесов, творящих конец нашей Истории.

М. М. Спасовский

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
 Docenta de Facultad de Odontologia
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
 (говорит по-русски)
 Специальное лечение корней зубов.
 Бор-машина Ultrasonic.
 Искусственные зубы.
 Рентгеновские снимки.
 Прием ежедневно от 15 до 20 час.
 Boulogne Sur Mer 541, p. 2, dpto. N
 Capital T. E. 88-3605
 (Один квартал от станции субтеррейно «Пуэйредон» по линии Федерико Лакросе).

РОССИЯ, ЗАПАД И ПРОГРЕСС

Нам с детства внушали одну и ту же гнетущую и ядовитую мысль: «Европа — колыбель культуры. Всякая мысль, красота, достижение, источник блага для человечества — в Европе. Все надежды будущего, всякая правда и пути развития человека — лежат на Западе». Гнетущую, — потому, что такая мысль связывала, органичивала человека, подавляла его, как подавляет все огромное; ядовитую, — потому что само собой подразумевалось: «А ты — урод, ничтожество; ты не способен ни к какому творчеству, ни к какому развитию». Словом такая мысль воспитывала в нас сознание жалкой нашей неполноценности. — Огромное ли?..

А, как же тогда, например, с Гафизом? Куда же тогда мы можем девать Сакия Муни, Лао-Цзе, Авицену, Зороастра, Тагора и вообще весь неисчислимый легион мудрецов Востока? Где же мы поставим зачинателя культуры — Моисея и вершину ее — Иисуса из Назарета Галилейского?..

Таких вопросов пред нами не ставили. Гордо указывали на Лувр, на Нотр-Дам, на сталелитейные заводы Круппа, на французские башмаки, на ящики для мусора на берлинских улицах. Больше всего указывали на английский парламент и французскую революцию.

Пощадите, дайте передохнуть!.. Надо бы нам все-таки посмотреть: что же такое есть культура? Что такое есть прогресс, и к чему мы все должны стремиться? Фабрики? Больницы? Университеты? Асфальтовые дороги? Не плохо. Но совершенная мерзость — бастующий профсоюз.

Прежде всего, читатель, я хочу рассеять одно очень грубое и вредное, но широко распространенное заблуждение. Богу, молитве мы отдаем самое интимное, чистое, дорогое и возвышенное. Ему мы приносим высочайшие стремления нашей души и совершеннейшие плоды наших достижений. На Западе это выразила готика. А у нас? — луковица. С каким пренебрежением говорят люди Запада об этой луковице, как пошло и не думая мы сами бросим: «луковки церквей». Не нашел наш народ ничего лучшего, чем бы выразить свое стремление к Богу! У греков хоть прихотливый аканфовый лист; а у нас — Л У К О В И Ц А!

А здесь — огромная, — величаявая и смиренная одновременно, — художественная идея. В самом деле: мог ли народ свое самое интимное и святое соединить с представлением луковицы, — горького, едучего плода? Можно было бы думать, что мотив этот пришел к нам вместе с татарами, из монгольских кочевий; но купола Св. Софии в Киеве и Новгороде воздвигнуты в XI веке. Можно было бы думать, что здесь автоматически использована широко распространенная в природе форма; но возвышенная молитва неуместима с автоматикой. Можно было бы думать, что зодчий придал этому мотиву внутренний смысл: широкое основание, опертое на землю и устремленное вверх. В этом стремлении даже убогого овоща он мог бы увидеть раскрытую тайну жизни; увенчанное крестом, это стремление приобретает еще больший и глубочайший смысл. И вот, зодчий начинает повторять его, последую природе, в кровлях, в резьбе, в росписи, в посуде, в балдахнах перил. Можно было бы думать, что здесь изображается Голгофа. Все это словно бы вяжется и все логично. Так ли это?

Прежде всего, «луковица» не заимствована у мусульман. Купол Св. Софии в Константинополе, прообраз луковицы, воздвигнут в IV и реставрирован в VI веке и тогда он несомненно символизировал Голгофу. Расцвет Багдадского калифата относится к IX-X векам, мавританский стиль вырабатывался с VII по XV век, величественный Тадж-Магал был воздвигнут в XVI веке. Так что мусульмане заимствовали этот купол у Византии, придав ему своеобразную форму. Вернее всего, он вырабатывался восточным гением постепенно, в процессе исканий и творчества, задолго до Св. Софии. Что же тогда: все православие, все мусульманство и весь Восток, колыбель всякой культуры, умозрения, вдохновения и мистики, — был столь глуп и бездарен, что не мог найти ничего, кроме пошлого предмета своего обихода? Несомненно, что древний зодчий имел в виду что-то другое. — **Сердце, вознесенное к Богу.** Магометане увенчивали его полумесяцем, христиане увенчали крестом. Луковица с крестом наверху — искусственность, несуразная, надуманная форма; сердце, увенчанное крестом — величайшее явление человеческой жизни: здесь

Голгофа, как солнце в росе, отражается в каждом человеке. Вот это и выразил нам древний зодчий в своем творении. Я думаю, что вдумчивый и добросовестный историк мог бы найти этому письменное подтверждение.

И вдруг, встает перед нами необъятная страна с бесчисленными селениями, где поверх полей, лесов, холмов, человеческого горя, греха и радости, поверх есей его смятенной, трудной и полной испытаний жизни, повсюду, где видит глаз, — поднимается Богу всевеликая жертва, горячее народное сердце... Нет, читатель, мы ничем не уступили готике! Запад свое отношение к Богу стремится выразить в форме, в сложности, в игре ума, во множестве стройных линий; Восток предлагает Ему открыто и непосредственно только одно единственное: **самого себя.** При таком свете прогресс и культура и соотношении Востока и Запада встают пред нами совсем в ином виде.

Нечего переть на рожек. Для объективного взгляда совершенно несомненно внутренняя, глубинная разность между Россией и Западом, и не к чему, не к лицу нам — пристраиваться сбоку к Европе. Неужто это уж такая великая честь? Ни один русский мужик, из самых бедных, не увидел бы особой чести породниться с немцем или французом, только наши передовики принимают перед Западом почтительную позу. Если мы так ничтожны, то, как мог возникнуть в истории такой огромный феномен, как Россия? Ни по объему территории, ни по численности населения, ни по истории, ни по объему и характеру культуры в припадки к кому-либо мы не подходим. Мы — не Европа и не Азия, а сами по себе. **Россия** — нечто весьма значительное и своеобразное, что в тесные европейские рамки никак не уложится. Все учебники географии лгут: действительная граница Европы лежит не по вершинам Урала, а по закоулкам человеческой души; а уж, если хотите ее внешне выразить, — о том будет ниже. На равнинах между Уралом и Балтикой с неизвестных, незапамятных времен, в вечной борьбе с природой, с жадными соседями, с самой собой — образовалась некая **особь**, самостоятельная личность, с присущими только ей чертами, характером и потребностями. Суровая природа и испытания выработали сильный характер, необъятные просторы — величие души. Крест Христов осветил все это своим благостным светом. Мимо валились народы, по окраинам равнины разбойничали разные пле-

А. Макриди

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ШАЛЯПИН

(90-летие со дня рождения и 25-летие смерти)

Люди, не заставшие Шаляпина, нередко сомневаются в приписываемой ему сверхъестественности, считая ее плодом распространенной человеческой слабости — наделять после смерти сверхмеры человека тем, чего в заслуженной мере он был лишен при жизни.

Такое рассуждение основывается на длинном ряде случаев только посмертного признания таланта и заслуг, но Шаляпина в этот ряд зачислить никак нельзя. Если можно говорить о недооценке Шаляпина, то именно посмертной, потому что о Шаляпине мало знают, его нужно было видеть и слышать.

Трудно, если возможно (а вернее всего, невозможно), назвать другого артиста, который удостоился б таких аплодисментов, какие слышал Шаляпин; который получил бы такое восторженное и широкое признание, каким пользовался Шаляпин.

Крупнейший художественный и музыкальный критик Владимир Васильевич Стасов писал: «Шаляпин — это нечто необычайное и поразительное... Какой великий талант!.. Это великий художник... И такому-то человеку всего двадцать пять лет!»

Старк писал: «Он один обладает замечательной способностью сосредоточивать в одном моменте игры, часто безмолвном, только пластическом, всю силу своей творческой интуиции, доводя ее до высшего напряжения. Он точно весь загорается ярким светом, идущим изнутри, из глубины его духовного существа. Здесь мы имеем дело с крайне

редким явлением перевоплощения актера в задуманный им образ...»

Амфитеатров писал: «Для тех, кто не видел Шаляпина, все хвалебные эпитеты не скажут ровно ничего; это надо видеть и слышать... Гений всегда открыт. А Шаляпина «Борис Годунов» — сплошное открытие в творчестве духа и в творчестве физических возможностей...»

Писал Леонид Андреев: «Непостижима разница, что отличает творение Шаляпина от игры других талантливых артистов. Здесь начинается область великой тайны — здесь господствует гений. Большое слово написал я, но не беру его обратно... Значит силен человек! Значит, силен живой Бог в человеке!..»

Это говорили и писали люди с большими для своего времени именами и весом, привыкшие сдерживаться в выражениях своих чувств и зря на ветер слов не бросавшие. Но приведенные цитаты, случайно оказавшиеся под рукой, это только капля в море восторга, изливавшегося по адресу Шаляпина, величайшей заслугой которого было и то, что он в этом море не утонул. Будучи выше всякой критики и зная это, самоуверенный, властный, прекрасно знавший себе цену, Шаляпин был в то же время совсем лишен самолюбивой склонности к самолюбанию. В нем самом художественный критик перевешивал даже его собственный талант, что заставляло Шаляпина постоянно желать лучшего и требовать от себя большего; что принуждало его всю жизнь само совершенствоваться.

О том, как Шаляпин реагировал на восторженное восхваление его, можно судить по собственному его признанию:

«Никогда, ни после самых блестящих успехов, я не говорил себе: теперь, брат, поспи-ка ты на этом лавровом венке с пышными лентами и несравненными надписями! Я помню, что меня ждет у крыльца моя русская тройка с валдайским колокольчиком, что мне опять некогда — надо мне в дальнейший путь!..»

Шаляпинская тройка — терпенье, ученье, труд. А валдайский колокольчик, это совесть артиста, старавшегося в наибольшей степени оправдать дарованный ему талант и отблагодарить этим Бога, услышавшего его молитву. Молится же Шаляпин смолodu так: «Господи! Устрой так, чтобы мне выступать в театре!»

В расцвете творческих сил Шаляпин писал: «Я вообще не верю в одну спасительную силу таланта без упорной работы. Выдохнется без нее самый большой талант, как заглохнет в пустыне родник, не пробивающий себе дороги через песок».

Вся жизнь, все творчество великого артиста отмечены яркой печатью гения, в многогранности своей родственного гению Леонардо и Ломоносова. Цевцом Шаляпин был, прежде всего, по натуре, поэтом, как певец он и прославился; его музыкальная одаренность казалась порой беспредельной, она поражала Рахманинова, поразила Тосканини. Шаляпин знал не только свои роли, но и оперы целиком, партии всех партнеров наизусть; слышал каждый инструмент в оркестре, знал каждую оркестровую фразу и ни одну неточность, как бы мала она ни была, ни в оркестре, ни в хоре, ни у солистов не пропускал. Но можно смело ручаться за то, что если бы Шаляпину не хватало чего-нибудь для певческой карьеры, он прославился бы

в чем-нибудь другом. Может быть, в литературе, скульптуре или живописи; может быть, как дирижер, а вероятнее всего, как актер и режиссер.

Мало кому известно, что в труднейшие минуты творческих поисков, сам Станиславский обращался за помощью и советом к Шаляпину, которого считал непререкаемым авторитетом и непревзойденным мастером выразительного слова. Сподвижники Станиславского и его питомцы помнят до сих пор, как на репетициях Художественного Театра Станиславский иногда говорил: «Играйте так, как вашу роль сыграл бы Шаляпин!»

Кто-то, кажется Ханжонков, — первый русский кинопромышленник — смаывая Шаляпина в кино, гарантировал ему доходы, каких не имел еще ни один артист в мире, но Шаляпин скорее совсем отказался бы от денег, чем от пения, потому что пел он сымальства, без пения не представлял себе жизни и самую жизнь считал песней, которую каждый обязан, по возможности, правильнее и красивее исполнить.

В жизни Шаляпина не заметно никаких «лотерейных» случайностей, ничего, что позволило бы сослаться на удачливость артиста в его карьере; все было просто и естественно, были удачи, были неудачи, но не было ничего такого, без чего Шаляпин остался бы обыкновенным смертным. Он не мог не быть знаменитостью и он ею стал бы при стечении любых самых неудачных обстоятельств. При всем том, быстрота и легкость шаляпинского вознесения на вершину славы, поразительны!

Свой артистический путь Шаляпин начал в Тифлисе, куда попал юношей без определенных занятий, в жиденьком пальтишке и брюках с бахромой, с потрескавшимся канотье на затылке; без работы без денег, но веселый и общи-

мена, где-то там, далеко, воздвигались и падали, как карточные домики, царства, гремели по свету, наводя ужас, разные имена. А здесь шла тихая, простая, неприметная жизнь, в труде, в поисках, в жажде самоутверждения и в невероятных, порой, лишениях. Строилась, оформлялась особь. Порой, внешний мир, подобно громаде, врывался сюда с Востока и Запада — и с Запада по преимуществу, — со своей жадностью и своеволием, и приносил строителям тяжчайшие беды; они переживали все это, перемалывали — и выбрасывали громаду обратно.

Тот же объективный и достаточно внимательный взгляд может отметить и то, что в переживаемое нами время происходит все тот же процесс: вторжение извне, но лишь в особой форме. Вторгается же опять Запад. И вторгается последний, деформированный и обезличенный Запад, сам готовый уйти со сцены. Особь на востоке его раздражает; разность не в свою пользу он, если не видит, то чувствует. Поэтому, самодовольный и пошлый, он решил стереть эту разность и красочную личность обратит в свой безличный прилавок. Здесь роль Запада в нашей революции.

При объективном взгляде истина встает пред нами, как некая условность. Именно, вот эта относительность истины, (т.е. нашей способности познать ее). — "полуправда" — и служит основой всех человеческих делений, раздоров и смут. Опершись на свою каменную правоту, то есть на полуправду, четверть правды, на сотую долю процента правды, — на неправду, — любой хлыст или социал-демократ начинает уродовать жизнь и совершать злодеяния. И он называет это свободой. Человек, признающий свою ограниченность, словно бы тем самым ограничивает свою свободу; на самом деле, подчиняясь правде, он тем самым поднимается на высшую ступень сознания и обретает высочайшую разновидность свободы — духовную свободу. Он освобождается от оков полуправды и выходит на широкое поле неограниченного сознания.

Что такое закон? Для простого человека это — перечень кар, налагаемых за преступления. Для развитого сознания — норма, указывающая, что можно и что нельзя делать. Но есть и еще одно его значение: выражение истины. Ибо вне истины никакой закон немыслим и не имеет силы. Но истина-то — условность? Таким путем мы подходим к очень важному вопросу.

Есть два подхода к жизни. Один — еврейский: "Иуданство отличается от дру-

гих религий тем, что он не ограничивается общим тезисом, вроде: "любите ближнего", "помогите немущему", но все это вводит в определенные нормы, во что и как должна выразиться эта любовь к ближнему..." — "Десять заповедей и все законы нашей Торы не преследуют цель усовершенствования человеческого разума и общения его с высшим мировым разумом... но регулируют отношения человека". — "Взаимоотношения человека и Бога также не выражены в общих формулах, вере, молитве, но строго и подробно указано, какими действиями человек приближает себя к Божеству". ("Национализм и еврейство", раввин Киселев). Это — подход практический, материалистический, жизнь в законе, в догме, в вещественном изображении. Здесь 10 заповедей выросли в Талмуд.

Второй — христианский, идеалистический. Здесь никаких статей нет. В Евангелии вы не найдете никакого их перечня, даже до десяти числом. Но оно не только тоже обнимает всю деятельность человека, а несет в себе ответ на любые вопросы. Это — жизнь в духе, в любви и милости. Эти два подхода противостоят друг другу. Тот, кто видел Талмуд, знает его объем; и все же его исповедуют одни евреи. А Евангелие? Каждого из 4-х евангелистов можно уложить на двух-трех страницах Талмуда; и Евангелие шествует по всем народам. Подумайте: какая концентрация мысли! Какая невероятная сила лежит в его немногих словах!

Эти два подхода руководят мыслью и действиями человечества. Толстой заявлял, что он, как христианин, не мыслит жизни вне равенства. Это — тоже еврейское понимание, понимание по закону. Здесь вы непременно придете к тому, что именно закон-то и должен уравнивать все человечество: все равны перед законом; над жизнью воздвигается закон — го или иное количество написанных статей. Здесь социалисты плетутся: пытаются скрыть, что равенство перед законом ведет вообще к равенству всех, к уравниловке, так как оно есть не что иное, как равенство прав, а значит и качеств. Но дело в том, что никакого равенства в жизни нет, оно не нужно и в нем нет никакой правды. Справедливость достигается не механикой равенства, не господством провозглашенной кем-то догмы, а познанием человека, разумом и милостью, освящающими неравенство. К этому и зовет нас христианство — подняться из первобытных ветхозаветных представлений. Идея равенства — основа социализма — еврейская идея, основанная на автома-

тическом, утилитарном, материалистическом и прагматическом мышлении.

Христианство никакого равенства не признает и не проповедует; наоборот, оно прямо говорит: "кому много дано, с того много и спросится"; и: "одна слава солнцу, другая луне" и т. д. Поэтому в нем нет и никаких статей. Возможно ли самым необъятным числом статей предусмотреть все разнообразие жизни? Возможно ли в самом необъятном числе статей изложить истину? Тщетная попытка. А, раз попытка тщетна, то теряет свою непреклонную силу всякий закон. Очевидно, что скальпель нельзя доверить мальчику или тупоумному мяснику, это — привилегия хирурга. Нельзя мясника и хирурга ставить в одинаковые условия жизни. И нельзя за одно и то же преступление одинаково карать мясника, с его темным сознанием, и хирурга, с его изысканным умом и развитием.

Вот, в этом отношении Россия и Запад стоят на разных берегах. У Запада мышление ветхозаветное, он полностью воспринимает истину и излагает ее в непреклонных статьях кодексов и программ. Из закона он делает прокрустово ложе для жизни: если ноги в нем не уместятся, их отрубает. Ведь Папа не погрешим. А если он все же ошибется? Тогда правду придется подогнать к его решению. Этим же занимаются социалисты. Истинно-православные люди, даже самых высоких рангов и даже причисленные потому к лику святых, никогда так себя не чувствовали. Наоборот, они всегда жили в сознании своей слабости и несовершенства. Истину они находили не в установленной догме, а в откровении, в прозрении, в раскрытии своей и чужой души. Отношение православного сознания к истине и Богу полностью выражено в коротком стихе, взятом Архангельским для его вдохновенного концерта: "Помилуй нас, Господи! Всякого бо ответа недоумею, сию Ти молитву, яко Владыце, приносим: помилуй нас!" Запад опирается на кодекс, Россия опирается на совесть; Запад ищет выполнения статьи, Русь ищет торжества справедливости; закон для Запада — непреодолимая стена. Дамоклов меч, висящий над головой каждого; закон для русского — тот примерный образец или направление, которое может помочь приблизиться к истине. "Не держись устава, яко слепой стены!" — учил великий Петр. Не поэтому ли большинство юристов, жизнь которых посвящена идолу-Кодексу, так безответственны и пусты в жизни и так наклонены в еврейскую сторону?..

Характерно, что даже большевики

формально базируют свои действия на "новой морали", на "блага угнетенных", а не на кодексе, скажем, Юстиниана или царя Ирода. Все судопроизводство их опирается на "совесть" народных судов, а не на букву писанного закона. Таково непреклонное требование правды и таково преломление национальной души в интернациональном действе. Только вот — откуда же явится совесть, раз отвергнут Христос?

Мы вечно были под ударом с запада. Запад, в лице поляков, тевтонов, шведов, Наполеона, Гитлера, католицизма, коммунизма — завоевывал; Русь — оборонялась и строила. Кого завоевала Русь? Татар? Татары сами пришли на нашу землю и учинили всеобщий погром. Смешно обвинять побитого, что он оправился и обуздал насильника, только Дервинские и Флуды могут спекулировать на Идель-Урале. Палестина, как государство, не существовала почти две тысячи лет и тысячу триста лет ею владели арабы; татары висели над Русью двести пятьдесят; и русские царь-деспоты никого из них не выбросили в пустыню.

Крым, Кавказ и Туркестан? И Крым, и Кавказ, и Туркестан достаточно пролили русской крови и поглотили несчетных жертв. Крымские орды доходили ведь до самой Москвы! А было там когда-то, на стыке Крыма и Кавказа, русское княжество... Необозримые пустыни Сибири?..

Остается Прибалтика и Польша. Прибалтику уж и разобрать не можешь: то ли это, действительно, лишь окно нашего дома, по петровской терминологии, то ли самостоятельная сущность. В пору ягаль и тевтонских завоевателей эта сущность тоже принесла нам немало горя. Польша? И Польша побывала в Москве! Со своим зверством и бесчинством в отношении России она стоит плечо-к-плечу с татарами, не ей заявлять жалобы.

Но главное дело не в этом. Польшу и Прибалтику Русь делила с Западом, то есть разговаривала западным языком. По необходимости, а не по склонности к нему: другого языка Запад не понимал. Язык этот был языком прогрессивных завоевателей. Так мы подошли к основному.

Граница России и Запада обозначена точно: она лежит по линии замков, по шпигам и башням разбойничьих гнезд. Другими словами, — по линии нашей безопасности. Ибо за линией замков начинается другой мир, всегда готовый к насилию. В таком свете "Священный Союз", созданный по инициативе импе-

тельный, приветливый и привлекательный. Таким его описывает один из свидетелей появления Шаляпина на Кавказе, где будущий артист очутился случайно, после волжских мытарств. Как было сказано, он не мог не петь и пел везде, пленяя всех. Среди слушателей нашлись и такие, что повели юношу к известному в Тифлисе преподавателю пения Усатову. Тому понадобилась одна минута, чтобы угадать с кем он имеет дело и Шаляпин начал учиться бесплатно, потому что платить ему было нечем. Впоследствии, Шаляпин помогал не только Усатову, но после смерти последнего, его семье.

У Усатова Шаляпин учился год. Этим годом и ограничивается программное музыкальное образование Шаляпина. Он учился всю жизнь, учился жадно всему и у всех, но это было уже самообразованием и почти во всем, что миру подарил великий артист, он был самоучкой. Таким образом, Усатова можно назвать единственным учителем Шаляпина.

Усатову пришлось учить Шаляпина не только пению и музыкальной теории, но и многому другому: как сидеть за столом, надевать рубашку, разговаривать с дамами. Ученик преуспевал во всем настолько, что через год уже легко попал в труппу Тифлиского Оперного театра и сразу обратил на себя внимание самых взыскательных критиков. В том же сезоне, Шаляпин получает бенефис и поет в "Фаусте" Мефистофеля. Самый большой букет роз был ему тогда преподнесен рабочими переплетной мастерской — первыми тифлисскими друзьями Шаляпина, первыми и слушателями его.

Шаляпин не стал задерживаться в Тифлисе и помчался в Петербург, где вскоре заключил контракт с Мариинским Императорским театром, в кото-

ром царило чиновничество и всеподавляющее равнодушие ко всему, лежавшему за пределами искусства, одобренного статскими советниками. Шаляпину было немногим больше двадцати лет. В этой неприветливой обстановке, молодой певец почувствовал себя сразу, как рыба выброшенная на сушу, а его попытки внести свежую струю в затхлую атмосферу потерпели полную неудачу.

За пределами же театра, популярность Шаляпина росла не только в Петербурге, и выручил Шаляпина, заплатив за него большую неустойку при расторжении договора, крупнейший меценат того времени Савва Иванович Мамонтов, открывший в Москве "Русскую частную оперу" в театре Зимина. Вот, отсюда-то и началось уверенное и быстрое восхождение Шаляпина на российский музыкальный Олимп, красовавшийся над целым миром.

Уже к началу нашего столетия, в России, среди грамотных людей, не было ни одного человека, не знавшего имени Шаляпина, но увидеть и услышать его в те "безтелевизионные" и "безрадиостные" времена можно было только в театре. И театры, в которых выступал Шаляпин, с первого дня продажи билетов, уподоблялись штурмующимся крепостям. Билеты расхватывались, перепродавались по несколько раз, обогащая целую свору всевозможных спекуляторов. В дни спектаклей, полиция приходилось иногда "прорубать" в толпе просеки для публики, идущей с билетами. Толпа состояла из безбилетных оптимистов, до конца спектакля не терявших надежды на приобретение билета. И возбуждение этих оптимистов было так велико, что билетные счастливицы на приставания и не отвечали, чего доброго избобьют, да билет отнимут!..

Ни один артист в целом мире не пользовался никогда таким жадным спро-

сом, как Шаляпин. Не удивительно, поэтому, что Шаляпин был на особом положении и у устроителей всевозможных благотворительных концертов. Сперва, на их просьбы он откликался охотно и широко, но когда увидел, что и двух человеческих жизней не хватит для удовлетворения всех просьб, бесплатным выступлением стал предпочитать подписные листы и несмотря на то, что против подписи Шаляпина почти всегда стояла самая крупная сумма, появились недруги, до сих упрекающие его в "жадности" и "скупоности" и того не понимая, что с одного медведя три шкуры содрать не только несправедливо, но просто невозможно.

Наименьшим же благоволением Шаляпин пользовался со стороны "благотворителей" революционного толка. Восторженные курсистки и безумые специалисты по преобразованию мира, потерпев неудачу в попытке заманить в свои "прогрессивные" сети молодого артиста, навеки остались его лютыми врагами и до сих пор, на старости лет, продолжают распространять о нем всевозможные клеветы и небывлицы. Политики Шаляпин не любил.

Было у Шаляпина достаточно врагов и среди театральных вельмож, не желавших помириться с независимым поведением молодой знаменитости и простить ей сусанинские лапти, сменившие и на императорской сцене канонизированные сафьяновые сапожки. Они пытались создать Шаляпину репутацию бунтовщика, но не преуспели, потому что "бунтовщик" пользовался признанием и защитой Государя Императора Николая Александровича.

По какому-то поводу, кажется, ко дню рождения, Государь распорядился приготовить в театре для Шаляпина ценный подарок. Администрация ослушаться не смела, но распоряжение выполни-

ла неохотно. В результате, Шаляпину были преподнесены часы, вероятно, не такие уж плохие, но не из лучших. Шаляпин их не принял и заявил, что солист Его Величества заслуживает большего внимания. Торжествующие чиновники, в предвкушении немилости, в которую, по их мнению Шаляпин должен был теперь неминуемо впасть, доложили обо всем Царю, но неожиданно Он потребовал часы, а увидев их, спокойно произнес: "Шаляпин совершенно прав" и повелел купить самые дорогие.

Таким образом, Шаляпин оказался между двух огней: "правые" славили его, чуть ли не как революционера, а "левые", как "черносотенца". Подумать только, Шаляпин стал перед царем на колени! Как, при каких обстоятельствах — любителей скандальных сенсаций не интересовало; среди этой публики господствовало мнение, что становиться на колени перед царями нельзя ни при каких обстоятельствах.

А такой случай был. И вот, как его описывает в своих воспоминаниях Теляковский — директор Императорских театров — при котором это произошло. Хор требовал прибавки, дирекция упорствовала. Хор выбрал спектакль, на который ожидался Государь, для вручения Ему петиции. Все сохранялось в строжайшей тайне, ничего не знал и Шаляпин. Выпущенный традиционно раскланиваться, неожиданно для себя, он увидел на сцене хор в полном составе. Хор опустился перед царской ложей на колени и запел "Боже, Царя храни".

Шаляпин понял только одно, что если он уйдет или останется стоять, это бросятся в глаза, как демонстрация, с которой у него не было никаких оснований. Движимый товарищеским чувством и простейшим тактом, Шаляпин опустился на колени тоже. Психологическая обстановка тут такова, что трудно себе

ратора Александра I, был явным недоразумением: объединением противоречивых сил. Он был не в пользу России, как унижающий ее достоинство. Император Александр этого не понял. В 1848, 1852 и (1914) г. г. за эту ошибку пришлось платить. Отлично понимал разницу император Александр III: "Пью за здоровье единственного друга моего, короля Николая Черногорского!" Зато сейчас мы можем наблюдать вторую форму этого союза, более логичную, где русского императора заменили большевики.

Слово "рыцарь" в нашем сознании сильно приукрашено. В действительности это было нечто более прозаическое и менее привлекательное. Каста людей, бездомных и беспощадных, дерзких и безразличных, продажных и всегда готовых на насилие, закованных в железо, обученных военному делу и ничему, кроме военного дела не знавших, — они представляли Европу на протяжении многих веков. Масса, народ — пропадают, теряются в их присутствии. Ее мы можем увидеть лишь тогда, когда она с вилами и дубинами выступает против рыцарей. Потом ее бьют, в какой-то части уничтожают — и она опять скрывается с горизонта. Над всем этим, где-то высоко на скале, куда трудно добраться с вилами, как кровавый хищник, лежит каменный замок... Где они на нашей благословенной земле? Западный рыцарь и русский — кто? Нет соответствующего персонажа! Не Илья же Муромец!

Что делали рыцари? Воевали. Воевали с иноземцами, с соседними замками, с народом, между собой в свободное время. Продавали себя тому, кто больше заплатит. Грестили купцов, города, мелких поселян; в трудное время отсиживались в замках. Вся их честь была основана на крови: как, где и когда можно или нельзя убить. Рыцарь за плугом или за ткацким станком был немислим. Это делали они, чернь; а мы — господствовали. Такая жизнь называлась благородной. В истории объявилось племя узколобых и длинноголовых господ, до ушей напитанных презрением к остальному миру.

Представьте себе, читатель, это господство — в каменных стенах замка, заляпанных кровью, обвешанных висельниками, пропитанных зловещими преданиями, с узкими окнами, с жестокими и грубыми нравами, с ограниченными запасом воды, где люди даже и не мылись — от такого господства и сейчас спирает дух. Это оно, грязное и кровавое, выползшее из своих башен, висит сейчас над несчастной Россией. (Продолжение следует) П. Панин

Г. Месняев

ОКАЯННЫЕ ДНИ

(К 10-й годовщине смерти И. А. Бунина)

Очень и очень многие честные, sensitive и верные русские люди, в дни Февральской революции, переживали минуты острого горя, отчаяния и отращения ко всему тому, что творилось тогда во взбаламученной России. Но все они были людьми, по преимуществу, простыми, не имевшими ни спосов, ни средств для того, чтобы громко высказать волновавшие и мучавшие их чувства. Профессиональные писатели, журналисты и политики, в своем большинстве, славили происшедшее и пели хвалу революции. Да и в дальнейшем, когда революционный угар стал проходить, мало нашлось людей, которые бы заклеили правдивым словом тот позор и распад, которые были принесены в наше отечество революцией. Только два больших русских писателя: И. С. Шмелев ("Солнце мертвых") и И. А. Бунин ("Окаянные дни") — отозвались на всю мерзость и ужас, которые родила она. Каждый из них сделал это по-своему, в зависимости от своего духовного склада, темперамента и характера — мягкий и женственный И. С. Шмелев писал свое "Солнце мертвых" с глубочайшей скорбью и болью, без того библейского гнева и возмущения, которыми проникнута страстная, полная раскаяния и стыда книга И. А. Бунина "Окаянные дни". Эта редкая по правдивости и смелости книга, без всяких прикрас рисует то, что в действительности происходило в России в Февральские и Октябрьские дни. Особенность этой книги усугубляется еще тем, что правда о революции сказана в ней не каким-нибудь завзятым "реакционером" или "черносотенцем", а знаменитым русским писателем, смелым и независимым, который по своим связям и настроениям в общем примыкал к либеральным кругам и был одно время даже "другом" Горького.

И вот, этот-то человек, который, казалось бы, должен был рукоплескать всему безумно содеянному, проклял с гневом и скорбью ту самую революцию, которую, возможно, и он сам ждал и приветствовал. Честное и смелое сердце крупного писателя и человека большой русской души не могло мириться с тем, что совершилось в России и не могло утратить правды о совершившемся. И. А. Бунин смело избил вели-

кую ложь о том, что она, якобы, была "народной" и что ее ждали и приветствовали буквально все слои и круги русского народа.

Один из таких энтузиастов революции сказал как-то И. А. Бунину:

"Россию погубила косная, своекорыстная власть, не считавшаяся с народными желаниями, надеждами, чаяниями... Революция в силу этого была неизбежна".

"Не народ начал революцию, а вы", — ответил Бунин. — "Народу было совершенно наплевать на все, чего мы хотели, чем мы были недовольны. Я не о революции с вами говорю — пусть она неизбежна, прекрасна, все, что угодно. Но не врите на народ — ему ваши ответственные министерства, замена Щегловитова Малайковичем и отмена всяческих цензур, были нужны как летний снег, и он доказал это твердо и жестоко, сбросивши к черту и временное правительство, и учредительное собрание, и "все, за что гибли поколения лучших русских людей", как вы выражаетесь..."

Описывая свой приезд в Петербург в самые первые дни революции, в начале апреля 1917 года, Бунин тонко отмечает настороженное отношение еще не развратившихся, простых русских людей, к недавно происшедшей революции: "...на полпути извозчик неожиданно сказал мне то, что тогда говорил уже многие мужчины с бородами: "Теперь народ, как скотина без пастуха, все перегадит и самого себя погубит". Я спросил: "Так что же делать?" — "Делать?" сказал он. — "Делать теперь нечего. Теперь шабаш. Теперь правительства нету".

Дальше И. А. Бунин с большой художественной силой и с глубокой печалью

пишет о своем посещении Петропавловской крепости: "Походил и я по собору, посмотрел на царские гробницы, земным поклоном простился с ними, а выйдя на паперть, долго стоял в оцепенении: вся безграничная весенняя Россия развернулась перед моим умственным взглядом. Весна, пасхальные колокола звали к чувствам радостным, воскресным. Но зияла в мире необъятная могила. Смерть была в этой весне, последнее целование..."

И. А. Бунин говорит о том, что в первые дни революции "разврат охватил еще только главным образом города. В деревне был еще некоторый разум, стыд". Он рассказывает, что в начале мая 1917 года, он был свидетелем такой сцены: у деревенской мельницы собрался народ и шел разговор о том, что "солдаты никого не признают и уходят с фронта". Один мужик вдруг встрепенулся и яростно заговорил: "Вот, вот! Вот они, сукины дети! Кто их распустил? Кому они тут нужны? Их, сукиных детей, арестовывать надо!" В это время верхом на серой лошади, подъехал молодой солдат в хаки и стеганных штанах, напевая и насвистывая. Мужик кинулся на него: "Вот он! Видишь, катается! Кто его пустил? Зачем его собирали, зачем его обряжали?"

Солдат слез, привязал лошадь и на раскоряченных ногах, с приторно беззаботным видом, вошел в мельницу.

"Что ж мало навоевал? — закричал за ним мужик. — Ты что же, казенную шапку, казенные портки надел дома сидеть? Ты бы лучше совсем туда не ездил, сволочь ты этакая! Возьму вот, сдеру с тебя портки и сапоги, да головой об стену! Рад, что начальства теперь нету, подлец! Зачем тебя отец с матерью кормил?"

Таков был подлинный голос настоящего русского народа, русского крестьянина, еще не успевшего отравиться смрадным революционным ядом. Этого голоса, в гуле победных восклицаний и ликований, никто не слышал, да и не хотел слушать.

В ЧЕТВЕРГ, 5-го ДЕКАБРЯ СЕГО ГОДА, В

ТЕАТРО СОММО (Corrientes 1280)

в 22 часа состоится

КОНЦЕРТ И ТАНЦЫ

ХОРА КАВКАЗСКИХ КАЗАКОВ

пользующегося большим успехом в Буэнос Айресе

Билеты — 150, 125, 100 и 50 песо.

Половина чистого сбора в пользу Союза Русских Белых Воен. Инвалидов. Билеты в кассе театра, у Ю. Р. Фульда (Т. Е. 31-6826), и у А. А. Навроцкого (Т. Е. 758-0620).

Представить другого нормального человека, который поступил бы иначе, но Шалапин справедливым отношением со стороны крайних элементов не пользовался и описанный случай послужил предлогом для начала общественной травли артиста, из которой, впрочем, ничего не вышло, так как значение Шалапина, как национального кумира оказалось выше всяких предрассудков, даже революционных. Как бы то ни было, известны случаи, когда люди шедшие в театр с намерением или заданием освидетельствовать Шалапина, после первого же акта аплодировали ему до самозабвения.

Власть Шалапина над зрительным залом была полной и несомненной. Это была власть безукоризненного в своей чистоте художественного откровения, превращавшего в художника каждого зрителя; глядя на сцену, зритель забывал о Шалапине и видел только того, чью роль Шалапин исполнял.

К какому течению, направлению, к какой школе можно причислить Шалапина? Сказать очень трудно. Будучи бесподобным мастером формы, он никогда не был формалистом и в отличие от таких блестящих формалистов, как Юрьев или Мейерхольд, вызывавших волнение зрителя оставаясь безразличными, Шалапин глубоко переживал свои роли. После сцены с "мальчиками кровавыми в глазах", к Шалапину в уборную стучать было бесполезно, он не откликнулся, и только близкие знали, что ему требовалось всегда, по крайней мере, десять минут для того, чтобы прийти в себя, иногда его трясло, как в лихорадке. Ни натуралист, ни реалист, Шалапина тоже не назывешь. Да, дело, ведь, не в ярлыках! Важно и несомненно другое: Шалапин был поэтом и романтиком оперной сцены, самым крупным после кормчего оперного искусства, великого Верди.

Примечательно, что когда Станиславский вознамерился навести порядок вслед за драмой, и в опере, и уже договорился с дирекцией Большого театра, Шалапин, узнав об этом, пригрозил расторжением договора, если Станиславский будет допущен к работе. В личных отношениях, оба великих артиста были друзьями, но шалапинский протест побуждался отчетливым пониманием огромного различия между оперой и драмой, а следовательно, и их сценическими законами. Шалапин и прежде восставал против вульгарного понимания оперы, как некоего арифметического сложения пения и игры, и прежде доказывал, что исполнительское мастерство в опере должно осуществляться по иным, более сложным формулам. Станиславский не был музыкантом, и этого не понимал.

Другой пример художественного прозрения Шалапина — в его споре с профессором Ключевским. Шалапин готовил Бориса Годунова, много читал, изучал эпоху, Ключевский ему помогал. Как известно, Шалапин гримировался сам, потому что и в этом мастерстве превзойти его никто не мог.

Годунов Шалапина появился на сцене красавцем-брюнетом с черной бородой. Ключевский утверждал, что согласно моде того времени, Годунов носил на шляхетский манер только усы, а бороду брил. В доказательство, представил серебряный рубль с вычеканным на нем профилем безбородого Бориса, но Шалапин не сдавался, заявив, что он "выносил" в себе образ царя Бориса с бородой и без нее, просто не сможет играть. "Пусть — говорил Шалапин — мой Борис не исторический, но зато, он пушкинский, я за это ручаюсь!"

Шалапин и сам не подозревал, насколько он был прав; ведь, только в последнее время историки объявили "по-

смертную реабилитацию" Бориса Годунова и сняли с него позорное подозрение в причастности к убийству царевича Димитрия. Образ пушкинского Бориса, основанный на ошибочной исторической предпосылке, гармоничен, закончен и дышит художественной правдой только в этом предвзятом плане, почему и не совпал в представлении чуткого артиста с подлинным, историческим портретом Годунова.

Напряженная творческая работа над самим собой не оставляла Шалапину никакого времени для педагогической деятельности, к которой, однако, Шалапин готовился; за большие деньги он выкупил у Соловьевой скалу над морем около Суук-Су в Крыму, увековечившую Айвазовским и знаменитую тем, что с нее подолгу, задумчиво любовался Черным морем Пушкин. На этой скале Шалапин намеревался построить собственную студию. Она, конечно, явилась бы музыкальной Академией и можно безошибочно угадать, что под руководством Шалапина, такая студия сохранила бы России мировое музыкальное первенство.

Война застала Шалапина в Лондоне. Англичане, почему-то уверенные в скором заключении мира, уговаривали Шалапина остаться и переждать события, но Шалапин заявил, что в такой момент его место на родине и поспешил домой.

Первое, о чем позаботился Шалапин, это об устройстве на собственные средства, по последнему слову науки и техники того времени оборудование двух солдатских лазаретов с 15-ю койками в каждом, в Москве и Петербурге.

С начала большевистского переворота, отношение захватчиков власти к Шалапину установилось двойственное: с одной стороны, Шалапин, как и Горький, импонировал коммунистам своим крестьянским происхождением; с дру-

гой, — они прекрасно знали, что не в пример Горькому, Шалапин этим своим происхождением спекулировать не собирается и революцию, говоря мягко, не одобряет. Ни на какие авансы, ни подлизывания Шалапин не откликнулся и в полной мере испытал все уютные особенности революции: и голод, и холод, и постоянную тревогу за семью.

Однако, Шалапину советская власть была менее нужна, чем советской власти Шалапин, и он был награжден, для него учрежденным званием Народного артиста, но наряду с этим, большевики дали понять, что высокое звание обязывает к полной лояльности, а один из вершителей судеб, кажется Петерс, сказал, что будь его — вершителя — полная власть, то он таких, как Шалапин, убивал бы в самую первую очередь, потому что такие размягчают душу, что революции не требуется, и даже вредит. И вообще, идеал коммунизма — в полном равенстве людей, а выдающиеся таланты этому идеалу противостоят.

Как бы отвечая дураку, Шалапин в эмиграции уже писал: "Надо иметь талант не только для того, чтобы играть на сцене; талант необходим и для того, чтобы жить. Оно и понятно. Роль человека в жизни всегда сложнее любой роли, какую можно только себе вообразить".

Среди многочисленных талантов Шалапина, таланта приспособиться к врагам не нашлось и презрев все большевистские посулы, Шалапин, после долгих и мучительных раздумий, решил переселиться за границу, что и осуществил в 1922 году, выехав на гастроли и подписав обязательство отчислять в пользу советской власти какой-то процент своего заработка. Уже по истечении всех сроков возвращения, к нему в Париже явился советский представитель и предъявил счет на крупную сум-

"Новая литературная низость, — говорит Бунин, описывая полное моральное падение тогдашней литературной элиты, — открылась какая-то "Музыкальная табакерка" — сидят спекулянты шулера, публичные девки и лопают пирожки по сто целковых штука, пьют ханжу из чайников, а поэты и беллетристы (Алеша Толстой, Брюсов и так далее) читают им свои и чужие произведения, выбирая наиболее похабные... Брюсов, говорят, читал "Гавриладию", произнося то, что заменено многоточиями, полностью..." Эту запись в своем дневнике, И. А. Бунин заканчивает так: "Читал (в газетах) о стоящих на дне трупах, — убитые, утопленные офицеры. А тут "Музыкальная табакерка!"

В своих "Воспоминаниях" он рассказывает о том, что в кабаке "Бродячая Собака", в котором в военные дни, бражничали поэты, писатели и другие представители тогдашнего столичного общества, было показано некое "литургическое действо", изображавшее, ни больше, ни меньше, как бегство Богоматери с Младенцем в Египет: поэт Потемкин изображал осла... и нес на своей спине супругу художника Судейкина, в роли Богоматери".

Россия вела тяжелейшую войну, теребя ежедневно тысячи верных своих сынов на полях сражений, а весь этот растленный сброд, который кишел в петербургских салонах, кабаках и в политических фракциях, отливывая самым бесстыдным образом от военной службы и от окопов, — захлебывался в сплетнях, в клевете на Государя и на правительство, путаясь в политических заговорах, предательствах и интригах.

И, тогда, когда все рухнуло, когда, казалось бы, каждому разумному и совестливому человеку не мог не стать понятным весь ужас содеянного, — в кругах, отравленных революционным хмелем, продолжалось ее восхваление с одновременным поношением прошлого. Это крайне возмущало И. А. Бунина.

**В Вижа Бажестер
ДЕШЕВО СДАЕТСЯ**
небольшая светлая комната.
Справки по Т.Е.: 52-2083 или писать:
CHACO 431 — VILLA BALLESTER

ССУДО - СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ КАССА

Информацию о вступлении в члены ССУДО - СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЫ можно получить каждую пятницу от 19 до 21 час. в канцелярии Кассы находящейся на ул. Карлос Кальво 2851 (третий этаж).

Он в гневе восклицал: "Блок слышит революцию, как ветер... О, словоблуд! Реки крови, море слез, а им все ни по чем!..."

Такое же возмущение вызывало у него и оханвание белого движения. — "Нельзя оглулом хаять народ — а "белых", конечно, можно. Народу, революции все прощается, — "все это только эксцессы". А у белых, у которых все снято, поругано, изнасиловано, убито, — родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сестры, — "эксцессы", конечно, быть не должно".

Возражая же против хулы на старое, он говорил: "Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (т. е. вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, — всю эту мощь, сложность, богатство, счастье..."

Позже, уже после написания "Окаянных дней", в Париже, в 1924 году, И. А. Бунин, так проникновенно, душевно и высоко поэтически, — прославил белого воина, подвергавшегося тогда многим нападкам. В своей речи он тогда сказал: "Пусть не всегда подобны горнему снегу одежды белого ратника — да святится вовеки память его! Под Триумфальными воротами галльской доблести не угасимо пылает жаркое пламя над гробом безвестного солдата. В дикой и ныне мертвой русской степи, где почнет белый ратник, тьма и пустота. Где те врата, где то пламя, что были бы достойны этой могилы? Ибо там гроб Христовой России. И только ей одной поклонюсь я — в день, когда Ангел отвалит камень от гроба ее..."

Отвращение к "окайнным дням", погубившим, разорившим и опозорившим Россию, И. А. Бунин сохранил до конца своей долгой жизни. "Он не прельстился, угадал", он не поддавался обольщениям и не поверил тому, чему, увы, поверили многие, тому, что Россия, якобы, воскресла, под эгидой красной власти. России, той, о которой он написал столько правдивых слов, которой он посвятил свой замечательный дар — он остался верен до конца.

Скоро минет десять лет со дня его смерти на чужбине. Вспомня его в эти дни, воздадим ему честь и хвалу за его великое служение подлинной России!
Г. Месняев

В воскресенье, 15-го декабря с. г.
в 17 часов, в зале
La Argentina (Rodríguez Peña 361)
состоится
КОНЦЕРТ ХОРА "ИВУШКА"
п/упр. ЕВГЕНИЯ МАЛЬМ
В программе — русские народные песни.
Билеты от 60 до 100 песо.

**ДАМСКАЯ ПАРИКМАХЕРСКАЯ
SALON DE PEINADOS
"IRENE"**
Четверг, пятница, суббота
(Суббота по предварт. записи).
Joaquín V. González 575
Est. Malaver (Villa Ballester)
Коллективы: 107, 8, 15.

"РУССКАЯ КНИГА"
Книжный магазин и библиотека
Б. Н. РЯСНЯНСКОГО
Облигадо 2130
**ПОЛУЧЕНЫ ОТРЫВНЫЕ
ЕЖЕДНЕВНЫЕ КАЛЕНДАРИ**
изд. Н. МАРТЬЯНОВА
на 1964 год Цена 190 песо
Письменные заказы адресовать:
B. Riasnianski — Larrazabal 2870,
Buenos Aires.

ДОКТОР

МАРИТТА

КИРИЛЛОВА - ТРЕГУБ

по женским и детским болезням,
принимает
ежедневно, от 15 до 18 часов, кроме
воскресенья и пятницы.

Calle LINIERS 837 — Ramos Mejía
(Alt. Rivadavia 14800) — Colectivos:
1, 6, 136, 182; Omnibus: Once - Luján

ДОКТОР

**Кира Николаевна
КОЛДОМАСОВА - БАУМГАРТЕН**

принимает
по средам и пятницам от 18 до 20 ч.
по субботам от 16 до 18 час.
AMENABAR 4156 CAPITAL
Новый телефон 701-8413

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso
Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
MONROE 4219, Dep. 10
BUENOS AIRES (30)
T. E. 52-7426

Dr. LUDMILA KRATCHKOVSKY

PSIQUIATRIA GENERAL, ESPEC.
PSIQUIATRIA INFANTIL.
PROBLEMAS PSICOLOGICOS.
REEDUCACION.
TESTS.

Pedir hora: Tel. 72-8396

**Др. М. БЕЛЕНЬКИЙ
ЗУБНОЙ ВРАЧ - ХИРУРГ**

Специальность: искусственные зубы,
лечение и рентгеновские снимки.

Прием: от 15 до 20 час.

RIOBAMBA 451
Tel. 45-9311

Не забудьте! Инвалидный календарь, — лучший подарок для Ваших близких.

Инвалидный календарь нужен Вашим детям.
В нем они почерпнут много сведений о далекой Родине, ее жизни и расвете при Царях Милостию Божией, о создателях Земли Российской, ее великих писателях и ученых.
Не забудьте! Инвалидный календарь.

НОВЫЙ РОТАТОР

дешево продается.

Писать: Casilla de Correo № 4.
Villa Ballester.

**ТИРАЖ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ДОЛЖЕН
НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЙ
НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!**

Во избежание затруднений при получении денег в Буэнос Айресе, просим подписную плату — почтовые переводы и чеки — направлять исключительно по адресу:

Tatiana Kirew de Dubrowsky
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires — Argentina

му, напомнив о подписанном обязательстве. К великой радости представителя, Шалапин выразил полную готовность погасить задолженность и только поинтересовался — можно ли это сделать чеком? Получив согласие, Шалапин выписал чек дореволюционного казначейства и сказал: "У меня еще в старое время на текущем счету осталось тысяч сто. Так будьте любезны, вычтите из них мою задолженность, а сдачу пришлите сюда".

Но даже после этого большевики еще на что-то надеялись и Шалапина домой не торопили. Когда же он занял открытую антисоветскую позицию и пожертвовал крупную сумму денег в пользу сирот Белых воинов, его лишили, наконец, советского гражданства и звания Народного артиста. Шалапин усмехнулся: "Опоздали. Я уже международный".

Заграницу Шалапин приехал в возрасте 49 лет, больной и опустошенный. Болен он был тремя неизлечимыми болезнями, возникшими и развившимися от тяжелых лишений и переживаний. Они продолжали медленно, но беспощадно подтачивать силы волжского богатыря и нужно только удивляться его силе воли, позволившей ему работать и выступать почти до самой кончины.

Живя заграницей в достатке и почете, Шалапин не находил в этом утешения. Он тяжело переживал свое эмигрантское положение; тем тяжелее, чем лучше понимал, что в Россию ему возвра-

та нет. Один из лучших его друзей — художник Коровин — свидетельствует, о том, что за границей шалапинская улыбка стала редкостью.

Об оставленной России сам Шалапин говорил так:

— Как я знаю и как люблю ее, эту землю! И странно сказать, я тоскую теперь больше всего о днях моей нищеты. Я был так беден, что вымалывал деньги на погупку гроба моей матери... Боже, как это все далеко... и как близко! Говорят, что давние воспоминания воскресают с особой силой и яркостью с приближением смерти. Может быть, так оно и есть...

Почти точно за год до кончины, 6-го апреля 1937 года, Шалапин в последний раз выступал в роли Бориса Годунова в Варшаве. Спектакль был назначен на 2-е апреля. Католики праздновали Пасхальную неделю, а у православных 2-е приходилось на Великий Четверг. Один русский священник обратился к Шалапину с письменной просьбой перенести спектакль, на что сперва Шалапин ответил отказом, сославшись на свою зависимость от договора с антрепренером, для которого перенос был бы сопряжен с непреодолимыми трудностями, но потом, все-таки, за несколько дней до спектакля, выехал в пригород, сказавшись больным. Русская колония ликовала, а после спектакля, Шалапин просил благодарить протопресвитера Теодорича за то, что он удержал его от греха и передать, что никогда еще он не играл с таким подъемом.

Эта гастрольная поездка Шалапина была последней. По возвращении в Париж он вскоре перешел на положение тяжело больного и больше не выступал.

Коровин рассказывал своей соне: "...Пришел ко мне Шалапин голый и встал около моей постели, огромный. Глаза у него были закрыты, высокая грудь

колыхалась. Он сказал, держа себя за грудь: "Костя! Сними с меня камень..." Я протянул руку к его груди — на ней лежал холодный камень. Я взял его, но камень не поддавался, он прирос к груди. А утром, я прочел в газете, что Шалапин умер..." Это было 12-го апреля 1938 года.

По свидетельству родных, Шалапин умер так же благородно и красиво, как жил. Он не нарушил тишины ни единым стоном, хотя угасание было мучительным. В последний момент, Шалапин что-то хотел сказать и приподнял руку, но потом, слабо махнул ею, рука упала, Шалапина не стало...

Хоронили его десятки тысяч, не только парижан, но и почитателей, последивших к погребению из других городов и даже стран.

В СССР заметка о смерти Шалапина появилась в московских "Известиях", где-то на задах, после восхваления стахановцев и свиначок. В заметке, между прочим, говорилось о том, что "в беседе с нашим сотрудником" народный артист Марк Рейзен высказался в том смысле, что Шалапин, как артист умер давно, а поэтому, теперь скорбеть не приходится. Рейзен считался лучшим басом СССР. Заметка произвела гнетущее и отталкивающее впечатление...

Но вот, через несколько дней, в тех же "Известиях" появляется опровержение Рейзена и заявление, что он скорбит о невозместимой утрате. Дальше следовало примечание: сотрудник редакции, введший ее в заблуждение — Абрам Эфреймсон — увольняется с лишним правом работать в печати.

Расчет репортера был прост: Шалапин фигура опальная, о нем, что ни напиши — Рейзен протестовать не посмеет, а если и попробует, то "Известия", как обычно, оставят такую попытку без внимания. Но выслуживав-

шийся репортер не сообразил того, что у Рейзена могли быть связи. Они и оказались. Оказалось и мужество, с каким Рейзен почтил память "злостного белоэмигранта". Его репортер тоже не ожидал, и был наказан. Впрочем, Абрашу скоро простили.

Описанное происшествие имело одну отрадную сторону, являющуюся своеобразным венком на могилу Шалапина: по многочисленным откликам газетных читателей, можно было судить о тщете долготейшей пропаганды, пытавшейся превратить Шалапина в отщепенца русского народа; народ продолжал считать Шалапина своим артистом.

Насколько наивно и нелепо было "награждение" Шалапина званием народного артиста антинародной властью, настолько трудным оказалось для такой власти от него это звание отнять, потому что Шалапин, задолго до незаконных родов советской власти стал народным артистом, в самом широком смысле этого слова, никогда не переставал им быть и навсегда останется в истории самым русским и самым народным артистом.

**

Как-то, один иностранец ревниво заметил:

— Напрасно вы так гордитесь вашим Шалапиным! Он давно перестал быть вашим и принадлежит не России, а всему человечеству.

Этот иностранец, может быть, не так уж и неправ. И тем не менее, мы не только можем, но должны гордиться Шалапиным, до конца дней своих оставшимся типичным представителем и верным сыном родившей его страны. Мы не можем не гордиться Шалапиным, потому что равных ему артистов не было во всем мире от сотворения его, а подарила этому миру Шалапина, все-таки, Россия.
А. Макриди